

Делиберативная демократия: новые вызовы и возможности в условиях развития информационного общества

АЛИМОВ Эмиль Ваизович, научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук
Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34
E-mail: const3@izak.ru

ПОМАЗАНСКИЙ Андрей Евгеньевич, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук
Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34
E-mail: const@izak.ru

Исследуется концепция делиберативной демократии с учетом новых вызовов и развития информационного общества. Проводится междисциплинарный анализ научных работ по праву, политологии, философии по тематике статьи, что позволило учесть различные особенности данной концепции демократии. Отмечается значимость научных исследований по рассматриваемой тематике, что подтверждается большим вниманием к ней со стороны российских и зарубежных исследователей.

Вывод: делиберативная демократия тесно связана с традиционными видами демократии (прямой и представительной демократией), но ее качественным отличием является более широкий подход к выявлению мнений и позиций в обществе и среди общественных и политических сил для поиска консенсуса. Использование современных информационных технологий должно способствовать более комфортному и легкому использованию демократических процедур различного характера (общественные обсуждения, опрос граждан, голосование и др.). Тенденция к информатизации должна активно влиять на реализацию демократических процедур, но при этом следует помнить о рисках и проблемах, существующих в данной области. Органы государственной власти совместно с институтами гражданского общества должны обеспечивать контроль за данными процессами в целях недопущения нарушения прав человека, искажения и деформации воли граждан.

Ключевые слова: делиберативная демократия, диалог, публичная сфера, прямая демократия, представительная демократия, консенсус, информатизация.

Для цитирования: Алимов Э. В., Помазанский А. Е. Делиберативная демократия: новые вызовы и возможности в условиях развития информационного общества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 4. С. 47—66. DOI: 10.12737/jflcl.2020.031

Введение. Концепция делиберативной демократии (от англ. *deliberation* — обсуждение, обдумывание) представляет собой одну из самых обсуждаемых и исследуемых в науке моделей демократии. Ее теоретические основы были разработаны в середине XX столетия в процессе активной научной дискуссии между приверженцами идеологии либерализма (Дж. Ролз, Б. Аккерман, Т. Нагель, У. Кимлик, Р. Дворкин) и идеологии коммунизма (М. Сэндел, А. Макинтайр, Ч. Тэйлор, М. Уолцер). По итогам данной научной дискуссии Ю. Хабермас разработал и предложил свою процедуралистскую концепцию демократии.

В 1980-е гг. концепция делиберативной демократии получила окончательное оформление (Дж. Бессет, Дж. Коэн, А. Гутман, Дж. Драйзек и др.). Термин «делиберативная демократия» был сформулирован Дж. М. Бессетом в работе «Делиберативная демократия: принцип большинства в республиканском правительстве»¹.

Среди российских исследователей, внесших значительный вклад в развитие концепции делиберативной демократии, в том числе в аспекте анализа сложившегося отечественного опыта, можно назвать А. В. Зайцева, А. Г. Сытина, В. В. Посколина, Е. В. Золотареву, И. А. Шкурихина, В. Л. Шульца и др.

Основная проблематика работ в данной области обычно сводится к рассмотрению форм и методов совершенствования современной модели демократии (с помощью соответствующих институциональных механизмов), либо к разработке альтернативной демократической модели в условиях нарастания нестабильности, угроз и рисков². Несмотря на то что концепция делиберативной демократии активно разрабатывается современными гуманитарными науками (политологией, философией, социологией), в области права она не получила должного внимания. Вместе с тем представ-

Constitution? American Enterprise Institute for Public Policy Research. Washington; London, 1980.

² См.: Золотарева Е. В. Концептуальные основы делиберативной демократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 1. С. 84.

¹ *Bessette J. M. Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the*

ляется необходимым провести сравнительный анализ используемых в рамках делиберативной демократии правовых механизмов, что позволит, во-первых, понять логику законодательного регулирования данных вопросов — а значит, и позицию государства (публичной власти), во-вторых, рассмотреть, какие механизмы нормативно закреплены либо не закреплены (в таком случае следует рассмотреть возможные причины и последствия), и в какой степени они отвечают сути рассматриваемой концепции.

Теоретические основы концепции делиберативной демократии. Говоря о предпосылках формирования концепции делиберативной демократии, нельзя не отметить влияние известного американского философа Дж. Дьюи (1859—1952), который фактически сформулировал базовые постулаты, получившие содержательное развитие в процессе разработки новых прогрессивных теорий демократии, в том числе делиберативной демократии³. В частности, А. В. Зайцев справедливо отмечает, что «предшественником нормативной модели делиберативной демократии можно считать Джона Дьюи, который предлагал трактовать демократию не только как доминирование позиции большинства, но обращал внимание на механизмы достижения власти большинством. Он подчеркивал значение общественных дискуссий, дебатов и дискуссий, в ходе которых “договариваются” между собой разные социальные общности»⁴.

Научный спор между сторонниками либерализма и коммунитаризма возник не случайно, он был обусловлен кризисом западноевропейской демократии и необходимостью разработки новых идей и моделей развития демократических институтов. Это, в частности, подтверждает в диссертационном исследовании А. Н. Линде, отмечая, что «разработка концепции делиберативной демократии Ю. Хабермасом связана с существующим кризисом демократии, а также с обуславливающей этот кризис организацией не демократической, а однонаправленной, манипулятивной политической коммуникации. Следовательно, необходимо было обосновать модель демократии, предполагающую субъект-субъектные, интерпретационные принципы политической коммуникации, направленные на равноправное обсуждение политических проблем»⁵. Под манипулятивной политической коммуникацией в негативном качестве А. Н. Линде указывает техники манипуляции,

воздействия, искажения информации, ограничения допуска к обсуждению, регулирования повестки и др., техники контроля, управления обществом под формой плюрализма средств массовой информации (можно говорить о так называемых политических технологиях, используемых политическими элитами в собственных интересах)⁶.

Считается, что формально отмеченный научный спор начался с публикации Дж. Ролзом в 1971 г. работы «Теория справедливости», в которой он предложил собственную концепцию справедливости. Он отметил, что «общество, удовлетворяющее принципам справедливости как честности, приближается к идеалу общества, основанного на добровольной схеме настолько, насколько это вообще возможно, потому что оно основано на принципах, которые свободные и равные личности должны принять при справедливых обстоятельствах. В этом смысле его члены автономны, и осознаваемые ими обязательства налагаются добровольно»⁷; «в справедливом обществе основные свободы полагаются сами собой разумоушимися, и права, гарантируемые справедливостью, не являются предметом политического торга или же калькуляции социальных интересов»⁸. Кроме того, здесь подразумевается не только обязательность признания и соблюдения прав и свобод индивида со стороны государства и граждан, но и корреспондирующая обязанность с его стороны по отношению к другим индивидам. Схожей позиции либерализма в той или иной степени поддерживались Р. Дворкин, Б. Аккерман, У. Кимлик, Т. Нагель и др.

Дж. Ролз также отмечал, что современная демократия должна исходить из либеральных ценностей, быть направленной на поддержание общественного порядка и достижение справедливого общества⁹. Он полагал, что преимуществом либеральной формы правления по сравнению с другими политическими режимами является создание на базе либеральных ценностей так называемого «хорошо управляемого общества», которое позволит сохранить стабильность в обществе в кризисное время; основой такого общества должен стать принцип базисной справедливости, предполагающий как высокоморальное поведение граждан, так и высокий профессионализм работы публичных институтов¹⁰. Исходя из данного базисного условия Дж. Ролз указывает, что концепция справедливости позволяет не только оцени-

³ См.: Westbrook R. John Dewey and American Democracy. Ithaca; London, 1991.

⁴ Зайцев А. В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // Социодинамика. 2013. № 5. С. 29—30.

⁵ Линде А. Н. Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса в контексте современной теории политической коммуникации: теоретико-методологический анализ: автореф. ... канд. полит. наук. М., 2017. С. 11—12.

⁶ Линде А. Н. Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса в контексте современной теории политической коммуникации: теоретико-методологический анализ. С. 17.

⁷ Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск, 1995. С. 27.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ См.: Rawls J. Political Liberalism. New York, 1993.

¹⁰ Ibid. P. 399—400.

вать законы и политику, но и ранжировать процедуры для выбора именно того политического мнения, которое должно быть превращено в закон¹¹. Гражданин должен определять основания и границы политических обязанностей и обязательств, высказывать суждения о степени свободы законодательства и политики, проводимой в обществе¹².

Представители коммунитаризма оппонировали отмеченной позиции, указывая, что чрезмерный индивидуализм, отстаиваемый в данных либеральных воззрениях, умаляет роль социума, допускает субъективизм в следовании общественным ценностям, необоснованно превозносит права и свободы индивида по отношению к общему благу и т. п. (М. Кастельс, М. Сэндел, Р. Рорти, М. Уолцер, А. Макинтайр и др.)¹³. Однако и сама идеология коммунитаризма имела прогрессивный характер, была разработана в связи со сложившимся на тот период времени процессом «нарастающего изживания существовавшей в период индустриального этапа развития европейского капитализма модели демократии с присущим ей индивидуализмом и атомизацией общества»¹⁴.

Коммунитаризм (от англ. “community” — общество), получивший большую поддержку как в научной среде, так и на практике, в целом определяется как «философское учение, выдвигающее на первый план социальную обусловленность личности общественными нормами и ценностями в противовес ничем не ограниченной свободе и асоциальному индивидуализму либеральной концепции»¹⁵. Кроме того, по мнению идеологов коммунитаризма, недопустимым является расширение содержания прав человека за счет сужения его обязанностей, принижения интересов общества.

Ю. Хабермас в процессе этих научных дискуссий сформировал собственную теорию демократии, тезисы которой легли в основу делиберативной концепции демократии. Главное различие между отмеченными двумя позициями, по его мнению, состояло в понимании роли демократического процесса: по ло-

гике либерализма, данный процесс выполняет задачу «программирования государства в интересах общества», при этом государство предстает аппаратом публичного управления, а общество выступает как система «сообщения» индивидов и результатов их труда, структурированного рыночным хозяйством¹⁶.

Коммунитаризм же, напротив, «образует ту среду, в которой члены естественно возникших солидарных общностей осознают свою обусловленность друг другом и в качестве граждан государства по своей воле и сознательно развивают заранее обнаруживаемые отношения взаимного признания, образуя ассоциацию свободных и равных носителей прав»¹⁷. Таким образом признается, что наравне с административным применением политической власти и частным интересом существует солидарность, которая рассматривается в качестве третьего источника общественной интеграции¹⁸. Соответственно, согласно позиции представителей либеральной концепции правопорядок конструируется исходя из субъективных прав; у коммунитаристов субъективные права гарантируются благодаря объективному правопорядку, а общественная жизнь базируется на равноправии, автономии и взаимном уважении (правопорядок конструируется исходя из его объективно-правового содержания)¹⁹.

Ю. Хабермас в целом положительно относится к идеологии коммунитаризма, но главным ее недостатком признает излишний идеализм и построение демократического процесса в зависимости от добродетелей граждан государства, ориентированных на достижение общего блага, так как политика состоит не только в рассмотрении вопросов этического самопонимания. Ошибкой, по его мнению, является этическое сужение политического дискурса, а также коммуникативных условий и процедур, которые способны в достаточной мере сделать легитимным демократическое формирование общественного мнения и воли; необходимо учитывать многообразие существующих форм коммуникации, поскольку в них общая воля образуется не только с помощью этического самосоглашения, но и путем уравнивания интересов и достижения компромисса²⁰.

Анализ содержания работ Ю. Хабермаса позволяет выделить следующие главные тезисы относительно теоретических основ концепции делиберативной демократии²¹:

¹¹ См.: Ролз Дж. Указ. соч. С. 178.

¹² См.: Rawls J. The Idea of Public Reason Revisited // The University of Chicago Law Review. Vol. 64. No. 3. Summer, 1997. P. 771—772.

¹³ См.: Белоусова В. М. Делиберативная концепция Ю. Хабермаса в контексте систематизации современных моделей демократии // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 90.

¹⁴ Червоный В. П., Милошунас А. В. Идеология коммунитаризма: путь к новой социальности // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. № 3 (15). С. 209.

¹⁵ Волкова Т. П. Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2004. Т. 7. № 2. С. 203.

¹⁶ См.: Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева, под ред. Д. В. Скляднева. 2-е изд. СПб., 2008. С. 382.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Белоусова В. М. Указ. соч. С. 90.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. С. 390—391.

²¹ Там же; Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere / T. Burger, F. Lawrence (trans.). Cambridge,

1) делиберативная демократия основана на принципах коммуникативной рациональности, она соответствует и, более того, развивает институциональные основы демократического правового государства. Это позволяет избежать издержек и угроз, связанных с доминированием институтов государственной (административной) власти как формы объединенной деперсонифицированной власти бюрократии, воплощенной в государстве и осуществляемой непосредственно;

2) коммуникативная власть как воплощение коммуникативной рациональности возникает в процессе социального общения и легального формирования общей воли активной частью общества, что выражается в форме социальной коммуникации, основанной на принципах рационального дискурса, открытости, свободы и равенства;

3) делиберативная модель замещает контрактную модель: правовое сообщество конституирует себя не посредством социального контракта, а на основе дискурсивно достигнутых соглашений. Таким образом, делиберативную демократию не следует рассматривать в рамках теории общественного договора, а наоборот — как конструктивную альтернативу;

4) совершенствование нормативного регулирования является одним из важнейших условий социальной стабильности и поддержания отношений солидарности, что предполагает рациональный подход к законодательному регулированию особенно политической сферы и соответствие его содержания сложившимся общественным представлениям о справедливости;

5) в основе делиберативной процедуры должна лежать не индивидуальная рефлексия морального сознания по поводу норм, регулирующих социальные отношения, а публичный диалог или дискурс, протекающий в режиме реального исторического времени в культурно-символическом пространстве публичной сферы, обеспечивающей формирование общественного мнения по принципиальным вопросам, в том числе относящимся к конституционному устройству;

6) ключевая роль отводится дискурсу в обществе: в отличие от коммуникативного действия в дискурсе ставятся наиболее актуальные проблемы, обсуждаются нормы, установки и идеалы, которыми руководствуются участники коммуникации в повседневном общении. После критического рассмотрения вопросов, по которым существуют различные, как правило, противоположные мнения, вырабатывается консенсусное решение в форме общей рационально обоснованной точки зрения;

7) идеальная ситуация представляет собой диалог, свободный от внешних ограничений и искажающих влияний, в равной степени открытый для всех заинтересованных лиц. Предполагается, что все участники обладают схожими возможностями для того, чтобы поставить под сомнение или высказать суждение и внести предложение по различным вопросам, имеющим к ним непосредственное отношение. При этом участники такого диалога должны обладать соответствующими знаниями и моральными качествами, в частности понимать намерения друг друга в ходе обмена высказываниями и при обсуждении различных точек зрения стремиться к признанию той, которая обладает наилучшей аргументацией;

8) рационально аргументированная критика позволяет участникам дискурса влиять на изменение, модернизацию норм и идеалов, существующих в обществе, с целью приведения соответствующих общественных или государственных институтов в соответствие со складывающимися общественными отношениями;

9) публичная сфера является тем символическим пространством, где разворачивается процесс обсуждения общественностью высших ценностей, которыми следует руководствоваться в политическом поведении или дискурсе;

10) через гражданское общество в публичной сфере артикулируются дефициты, испытываемые в жизненном мире различными социальными группами, а соответствующее общественное мнение, в свою очередь, определяет установки потенциальных избирателей, которые пользуются конкуренцией между партиями и могут угрожать правительству лишением легитимации²².

Следует отметить, что случаи делиберации, как они представлены классической моделью делиберативной демократии в работах Дж. Ролза и Ю. Хабермаса, в целом не встречаются на практике, но при этом отдельные механизмы делиберации активно применяются для решения общественно значимых вопросов (общественное обсуждение, консультативный референдум, правотворческая инициатива, опрос граждан и др.).

Таким образом, исследования Дж. Ролза и Ю. Хабермаса заложили теоретическую основу делиберативной демократии. Дальнейшее развитие данная концепция получила в трудах таких ученых, как Дж. М. Бессет, А. Гутман, С. Бенхабиб, Дж. Коэн, Дж. Драйзек, К. Оффе, Д. Томпсон и др., направленных на исследование делиберации с точки зрения дальнейшего развития институтов демократии²³.

1989; *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy (Faktizität und Geltung) / W. Rehg (trans.)*. Cambridge, 1996; *Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. XI / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М., 2012.*

²² См.: *Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. XI. С. 134.*

²³ См.: *Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations. Oxford, 2000; Benhabib S. Toward a deliberative model of democratic legitimacy // Democracy and*

Параллельно развивались эмпирические исследования делиберативного процесса, а также исследование делиберативных практик в отдельных институтах и сферах политической жизни — теории международных переговоров, конфликтном менеджменте, национальных законодательных собраниях, гражданских форумах и социальных движениях²⁴.

Несмотря на единообразие в понимании сути делиберативной демократии в научном сообществе, при определении данного понятия многие исследователи акцентируют внимание на различных его аспектах. Так, например, Р. Шульце особо выделяет нормативный характер отношений: «делиберативная демократия — это нормативная демократическая модель, основывающаяся на доказательной силе систематических рассуждений и выводов в общественных дебатах, а также в коммуникативной, ориентированной на соглашение (договоренность) деятельности граждан»²⁵.

Д. В. Углов отмечает, что делиберативная демократия или делиберативная политика представляет собой «такую модель общественного устройства, при которой формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте страны подчиняется не структуре рыночных процессов или навязанной идеологии, но самобытной инициативе социальной коммуникации граждан, ориентированной на достижение взаимопонимания и защиту собственных интересов»²⁶. При этом, по нашему мнению, не стоит абсолютизировать механизмы делиберации в контексте их полной независимости от существующей парадигмы общественных отношений, реального общественного устройства. Политическая система, положение гражданского общества, механизмы делиберации каждого государства в определенной степени уникальны и специфичны в связи со сложившимися историческими, политическими, социально-экономическими и иными факторами.

Difference: Contesting the Boundaries of the Political / ed. by S. Benhabib. Princeton, 1996; Gutmann A., Thompson D. Democracy and Disagreement: Why Moral Conflict Cannot Be Avoided in Politics, and What Should Be Done about It. Cambridge, 1996; Mansbridge J., Bohman J., Chambers S. et al. The Place of Self-Interest and the Role of Power in Deliberative Democracy // The Journal of Political Philosophy. 2010. Vol. 18. No. 1; Offe C. Crisis and Innovation of Liberal Democracy: Can Deliberation Be Institutionalized? // Czech Sociological Review. 2011. Vol. 47. No. 3.

²⁴ См.: Золотарева Е. В. Указ. соч. С. 93.

²⁵ Schultze R. Deliberative Demokratie // Lexikon der Politikwissenschaft, Theorien, Methoden, Begriffe. Band I: A.—M. München, 2002. P. 119.

²⁶ Углов Д. В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 232.

Дж. М. Бессет полагает, что делиберация заключается в дискурсивном обнаружении общественной пользы и общественного блага: «в общепринятом и традиционном понимании делиберативный процесс — логическое рассуждение, когда участники тщательно рассматривают независимую информацию и доводы, а затем стремятся самостоятельно определить то, что составляет надлежащую государственную политику и стараются убедить в этом друг друга». По его мнению, делиберативный процесс может принимать различные формы: открытая публичная дискуссия, прямые диспуты, обмен мнениями за закрытыми дверями. При этом ни одна из разновидностей делиберативного процесса не может обходиться без трех элементов: информации, аргументации, убеждения²⁷. Полагаем, что помимо данных трех элементов следует добавить честность (использование правдивой информации и аргументов, соблюдение договоренностей, этичность поведения) и компромисс (поиск приемлемого для всех участников диспута решения, отказ от навязывания своего мнения даже при условии наличия фактора силы).

Дж. Драйзек, разрабатывая теорию делиберативной демократии, обращается прежде всего к критике либеральной трактовки демократии, считая данную модель формой простой агрегации (соединения) политических интересов. По мнению Дж. Драйзека, одной из фундаментальных проблем демократизации является вовлечение граждан в процесс управления: требования большей демократии почти всегда возникают у оппозиционного гражданского общества, редко и почти никогда — у государства. Он выделяет особую роль политических организаций гражданского общества (а не многочисленных свободных ассоциаций граждан), доказывая, что именно данные организации могут вносить наибольший вклад в обеспечение политического диалога и укрепление демократических основ общества, прежде всего благодаря поддержанию их независимости от государства и способности стимулировать политическую дискуссию²⁸.

Известный идеолог делиберативной демократии С. Бенхабиб отметила, что делиберативные процедуры и публичный диалог способствуют укреплению и легитимации политической власти, процесс принятия решений требует свободного и разумного публичного торга и процедуры общественного обсуждения среди всех социальных субъектов. Она полагает, что это приведет к увеличению легитимности как политического режима, так и принимаемых решений,

²⁷ См.: Бессет Дж. М. Делиберативная демократия и американская система государственной власти / пер. с англ. Ю. Шнакова. М., 2011. С. 72, 75—76.

²⁸ См.: Dryzek J. Political Inclusion and the Dynamics of Democratization // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90. No. 3. P. 476.

поскольку они проистекают из свободных дискуссий между конкурирующими группами. По мнению С. Бенхабиб, в обществе обязательно должен сохраниться плюрализм, с помощью которого можно избежать возникновения единого политического, морального или религиозного кода социума, поскольку в делиберативной демократии при конфликте интересов и конкуренции взаимное сотрудничество, взаимодействие, поиск консенсуса и компромисса играют весьма важную роль²⁹.

Таким образом, полагаем справедливой позицию, что делиберативная политика и делиберативная демократия представляют собой «особый общественно-политический курс, ориентированный на рациональное обсуждение общественных проблем», который выдвигает «по отношению к институтам власти требование, чтобы все политические решения были опосредованы и легитимизированы таким обсуждением»³⁰.

Соотношение концепции делиберативной демократии с иными концепциями демократического участия граждан в управлении делами государства. Концепция делиберативной демократии является отнюдь не единственной теоретической попыткой придать новое качество и содержание известной форме правления, переживающей определенный кризис в последнее время. Это связано прежде всего с падением доверия общества к традиционным формам демократического участия граждан в управлении делами государства: непосредственной и представительной демократии. Соответственно, в таких условиях предпринимаются многочисленные теоретические попытки оздоровления демократических институтов или их, как бы странно это ни звучало, демократизации.

В этом плане интерес представляет классификация возможных моделей демократического управления, представленная голландским ученым Я. ван Дейком в ряде исследований³¹.

Ван Дейк выделяет шесть современных моделей демократии: легалистическую, конкурентную, плебисцитарную, плюралистическую, партисипаторную и либертарную.

Легалистическая модель демократии представляет собой классическую модель либеральной демократии и базируется на таких институтах, как представительный характер власти, разделение властей, система сдержек и противовесов, закрепление основных прав человека и гарантии защиты свободы

личности от авторитарной власти, господство большинства, всеобщее избирательное право. Использование современных информационных коммуникационных технологий при такой модели служит двум основным целям: а) предоставление гражданам большего и качественного объема информации о принимаемых решениях; б) обеспечение взаимодействия для большей открытости и повышения обратной связи.

Конкурентная демократия — это разновидность все той же либерально-демократической модели, но с очень сильным акцентом на идею о том, что демократия в конечном счете является средством, обеспечивающим формирование руководящих органов государства. Информационные коммуникационные технологии в данной модели выступают средством, необходимым для принятия более разумного и осознанного выбора со стороны граждан при реализации ими права на участие в управлении делами государства.

Концепция плебисцитарной демократии исходит из необходимости выстраивания каналов прямой связи между политическими властями и гражданами с целью усиления роли последних в решениях, принимаемых по наиболее важным вопросам государственной жизни. Роль технологических средств здесь предстает в виде реально функционирующей системы регистрации и учета мнения каждого члена общества.

Плюралистическая демократия противопоставляется моделям демократии, основанным на централизации политических решений и монополизации власти; она проистекает из убеждения, что демократия — это способ, при котором многие выбирают тех немногих, кто руководит ими. С другой стороны, демократической природе отношений в большей степени отвечают именно горизонтальный, чем вертикальный характер связей в обществе. Граждане вовлекаются в ассоциации и организации гражданского общества и таким образом принуждаются к сотрудничеству и договоренностям о решениях собственных проблем.

Партисипаторная модель демократии подразумевает активное участие граждан в политической жизни государства на всех этапах демократического процесса, начиная с формулирования социальных проблем и заканчивая разработкой и реализацией государственной политики. Партисипаторная демократия исходит из неизбежной необходимости создания механизмов для вмешательства и сотрудничества граждан во всех сферах жизни общества, в которых политическая власть осуществляется от имени народа.

Наконец, либертарная модель демократии предполагает минимальное вмешательство государственных институтов в жизнь отдельных индивидов и гражданского общества в целом. Во главу угла ставится свобода и самоопределение личности.

²⁹ См.: *Benhabib S.* Op. cit. P. 70.

³⁰ *Назарчук А. В.* Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // *Полис.* 2011. № 5. С. 101.

³¹ См.: *Hacker K. L., Van Dijk Jan A. G. M.* Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. London, 2000; *Van Dijk Jan A. G. M.* Digital Democracy: Vision and Reality // *Innovation and the Public Sector.* 2012. Vol. 19. P. 49—62.

Полагаем, что делиберативная концепция демократии не только содержит идеи либерализма и коммуитаризма, но также имеет общие черты с иными концепциями:

партиципаторной демократии (в части необходимости широкого участия граждан в процессе принятия решений);

плюралистической демократии (в части обязательности достижения консенсуса посредством диалога между социальными группами);

прямой демократии (с помощью комплекса институтов непосредственного народовластия граждане могут не только обсуждать какие-либо значимые вопросы, но и принимать публично-властные обязательные для исполнения решения);

представительной демократии (избиратели вправе голосовать за кандидатуры депутатов, участвовать в деятельности политических партий, а депутаты должны поддерживать связь со своими избирателями, дискутировать с представителями иных политических сил и органов публичной власти, отстаивать интересы своих избирателей — императивный мандат, народа — свободный мандат);

электронной демократии (поскольку использование информационных технологий позволяет качественным образом трансформировать практически любой демократический институт, в том числе механизмы делиберативной демократии) и др.

Трансформация концепции делиберативной демократии в цифровую эпоху. Постоянное развитие информационно-коммуникационных технологий и их активное использование в социальной практике обусловило переход общества к информационной (постиндустриальной) стадии. Как отмечается в юридической науке, в условиях новой цифровой реальности «преломляются действие и образ многих социальных институтов и регуляторов, в том числе права. Оно становится не только средством, инструментом, обеспечивающим внедрение цифровых технологий и их использование в различных сферах общественной жизни — экономике, управлении и других сегментах социального бытия, но и объектом воздействия цифровизации. Изменяются содержание, форма, механизм действия права»³².

Информационно-телекоммуникационные технологии, в первую очередь сеть Интернет, создают определенные возможности для развития любых демократических процедур, позволяющие максимально просто, комфортно и эффективно использовать их потенциал. В данном случае речь идет о допустимости и необходимости совершенствования традиционных форм демократии путем задействования современных технологических механизмов участия граждан в обсуждении и решении значимых обще-

ственно-политических вопросов. В связи с этим, как справедливо отмечает А. Н. Пилипенко, использование информационных и коммуникационных технологий, таких как Интернет, может способствовать укреплению демократии посредством прямого и активного участия граждан в демократических процессах принятия решений³³. В обоснование своего суждения он ссылается на работу французского философа П. Леви, работающего в области киберпространства и цифровых коммуникаций. Использование информационных телекоммуникационных технологий в рамках традиционных демократических институтов ведет к появлению нового феномена общественной жизни, обозначаемого как «кибердемократия». С наступлением кибердемократии можно вести речь о о подлинном «глобальном гражданском обществе», о новом, всеобъемлющем, транспарентном и универсальном пространстве коммуникации, которое должно радикально обновить условия общественной жизни посредством свободы и возрастающей ответственности граждан³⁴.

Приведенное мнение в полной мере относится и к механизмам делиберации, целью которых является институциональное обеспечение свободного волеизъявления граждан, в том числе посредством деятельности институтов гражданского общества, заключающееся в том, чтобы рассмотрение спорных вопросов и принятие значимых общественно-политических решений происходило с обязательным учетом мнения граждан с помощью инструментов дискуссии и обсуждения. В идеальном варианте результатом такого диалога должен быть некий консенсус.

Важно понять, каким образом и в какой степени информационные технологии могут способствовать развитию делиберации и какие существуют проблемы в данной области.

Сначала важно уяснить, что на практике сложно организовать идеальные условия для аргументированного дискурса между большим количеством граждан, находящихся на разных территориях, и это признается одной из наиболее уязвимых сторон идеи делиберативной демократии. Дж. Паркинсон в связи с этим не без оснований отметил, что для обеспечения реального обсуждения должны соблюдаться такие условия, как коммуникативная компетентность, взаимность, всеобщность, готовность изменить свою позицию посредством убеждения³⁵. Полагаем, что преодолению таких организационных ограничений должны способствовать информационно-коммуникационные технологии. В некоторых случаях, без-

³³ См.: Пилипенко А. Н. Франция: к цифровой демократии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 189—190.

³⁴ См.: Levy P. *Cyberdemocratie*. Paris, 2002. P. 18.

³⁵ См.: Parkinon J. *Deliberating in the Real World*. Oxford, 2006. P. 134.

³² Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 6.

условно, необходим прямой контакт посредством встречи (например, депутата со своими избирателями, главы региона и депутатов и т. п.), как правило, в рамках нормативно закрепленного правила, а также для решения острых политических или социально-экономических проблем.

Однако, по нашему мнению, в рамках делиберации в большинстве случаев нет причин отказываться от использования современных информационных средств связи. Так, посредством создания специальных закрытых тематических групп, использования личной переписки и т. п. в социальных сетях, мессенджерах граждане могут дистанционно обсуждать волнующие их вопросы и стараться прийти к консенсусу (соблюдение отмеченных выше условий Дж. Паркинсона в любом случае имеет большое значение). Для этого необязательно созывать какие-либо масштабные круглые столы или форумы, поскольку это сложно в организационном плане, требует финансирования, растянуто по времени и при этом все равно может быть неэффективным. Отмеченные же современные цифровые средства позволяют активным гражданам договориться друг с другом без посредников, лишних барьеров, временных и финансовых затрат. Необходимо лишь создать специальный интернет-портал, модерировать его и своевременно сообщать о его существовании заинтересованным пользователям. Таким образом можно оперативно решать актуальные проблемы, в первую очередь на местном уровне. В случае эффективной практики организации таких процессов возможно в дальнейшем говорить о региональном уровне. Общенациональные же вопросы, как наиболее сложные и затрагивающие всех граждан, должны обсуждаться и решаться посредством соответствующих всенародных правовых процедур (парламент, общественные обсуждения, референдум, плебисцит, выборы, учредительное собрание).

Д. Беннет в диссертационном исследовании выделил 10 факторов, влияющих на эффективность непосредственного электронного участия граждан в получении услуг в развивающихся странах на примере проекта Лунгиса (Project Lungisa): поддержка местного правительства; независимость от органов публичной власти и роли политических партий; развитая информационно-коммуникационная инфраструктура; использование технологии мобильных телефонов (отсутствие цифрового неравенства); эффективный менеджмент в сфере электронных технологий; политический консенсус по поводу электронного участия граждан; маркетинг и реклама; привлечение заинтересованных лиц к разработке совместных проектов электронной демократии; интеграция с сообществом; доверие граждан к органам публичной власти³⁶. Дан-

ные факторы в полной мере могут быть применимы практически к любым демократическим процедурам, направленным на построение эффективной модели обратной связи между гражданами и органами публичной власти для формирования консолидированного и рационального решения (при использовании информационно-коммуникационных технологий).

Посредством цифровизации общественного пространства — использования, например, социальных сетей, мессенджеров, интернет-порталов и др. создаются условия не только для построения новой модели прямой связи органов публичной власти, должностных лиц и граждан, но и для более точного и информативного анализа общественных настроений, отношения граждан к тому или иному вопросу общественной и государственной жизни. Например, если ранее опросы граждан проводились путем обхода граждан, то постепенное развитие технологий позволило постепенно модифицировать этот процесс. Так, сначала путем развития телефонной связи, в частности мобильной, органы публичной власти и специальные организации получили возможность дистанционно осуществлять опросы. В последнее время такие опросы стали проводиться с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе в социальных сетях. Таким образом, любой политик, общественный деятель, некоммерческая организация и т. п. могут создать открытый опрос на своем аккаунте в социальной сети. Это, в свою очередь, упростило механизм сбора такой информации, повысило ее оперативность.

То же самое можно сказать и об институте публичных обсуждений. Благодаря специальным интернет-порталам авторизованные пользователи (граждане) могут свободно высказывать свое мнение относительно необходимости принятия, корректировки того или иного решения.

Публичные петиции также стали намного более доступными, что повысило оперативность доведения их содержания до ответственных органов государственной власти и должностных лиц, граждан страны, а также международного сообщества.

Более того, любые лица (особенно это касается тех, кто обладает большой популярностью в интернет-пространстве) могут получить большой объем статистической информации путем создания, модерации и продвижения каких-либо тем для обсуждения, открытого голосования, анализа комментариев пользователей посредством публикации информационного или развлекательного контента в сети Интернет и т. п.

to the Department of Information Systems University of Cape Town. Submitted in partial fulfilment of the requirements for INF5004W. February 2015. P. 86. URL: https://open.uct.ac.za/bitstream/handle/11427/15465/thesis_com_2015_lrxdin001-thesis.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 07.02.2020).

³⁶ См.: *Bennett D.* Factors Influencing the Success of an E-participation Project in South Africa. A dissertation presented

Таким образом, если посредством нормативно закреплённых механизмов учета мнения граждан была выявлена и приведена к общему знаменателю позиция, разделяемая большим количеством граждан, по определенному актуальному вопросу общественной жизни, то уполномоченные органы публичной власти и должностные лица должны принять во внимание данный факт. Для этого, собственно, данные процедуры и были нормативно внедрены: чтобы повысить легитимность принятых решений, выявить какие-либо недостатки, предотвратить нарушение чьих-либо прав и законных интересов, повысить авторитет публичной власти. Игнорирование же таких механизмов (что возможно, поскольку большинство из них имеют консультативный характер) приведет к противоположному результату, который может вызвать исключительно негативный эффект для государственного устройства и управления.

Обеспечивая абсолютную открытость и доступность (а значит, и массовость), информационно-коммуникационные технологии, как мы отметили, способствуют модернизации взаимодействия граждан и публичной власти. Так, избранные депутаты, должностные лица теперь не могут не участвовать в данных процессах, публикуя в сети Интернет отчеты и собственную позицию относительно важных вопросов, затрагивающих их компетенцию, в открытом доступе. В случае если политик или представитель публичной власти не используют данные информационные механизмы, ограничиваются только традиционными способами взаимодействия (личные встречи, ответы на письма, интервью и т. п.), то они, по нашему мнению, будут стратегически уступать в конкурентной борьбе оппозиционным силам (в первую очередь, по причине небольшого охвата аудитории), не получают поддержки избирателей, на которую могли бы рассчитывать при использовании всего спектра современных способов кооперации и обсуждения, прежде всего, в сети Интернет.

Однако вместе с большим положительным эффектом от применения информационно-коммуникационных технологий мы можем наблюдать ряд рисков и угроз для общественных и государственных институтов.

Первая проблема касается контроля за злоупотреблениями в информационно-телекоммуникационном пространстве, что наиболее остро проявляется в рамках социальных сетей. Данные злоупотребления выражаются в распространении недостоверной информации (дезинформации) как умышленно, так и по причине безответственной пересылки такой информации. Нередки случаи, когда объем дезинформации (так называемые «фейковые новости»), распространяемый через сеть Интернет, сравним с правдивыми новостями. Так, в докладе комитета Палаты общин Великобритании по культуре, прессе и спорту 2018 г. «Дискриминация и «фейковые новости»: про-

межуточный отчет» отмечено, что граждане с трудом отличают недостоверные новости от реальных, а это представляет серьезную угрозу для демократии³⁷. В докладе также содержится призыв принять более жесткие меры регулирования информации в социальных сетях. Это подразумевает, в частности, что информация политического характера, публикуемая и распространяемая в сети Интернет, должна иметь зарегистрированных авторов, которые будут нести за них юридическую ответственность (ранее британское правительство намеревалось ввести цифровую идентификацию всех предвыборных объявлений в средствах массовой информации³⁸). Среди основных рекомендаций данного доклада — изменение избирательного законодательства страны, где было бы учтено появление нового фактора в медиaprостранстве и его влияние на политические и социально-экономические процессы.

Вторая проблема заключается в манипулировании не только общественным мнением, но и результатами демократических процедур (выборы, референдум, опросы). Так, общественное мнение может быть деформировано путем создания множества аккаунтов в социальных сетях и массового распространения посредством них ложной, предвзятой информации по определенному острому вопросу политической или социально-экономической, культурной сферы. Таким образом, граждане, ознакомившиеся с данной информацией, могут быть подвержены фактически обману и введению в заблуждение, что повлияет на их оценку протекающих общественно-политических событий.

Все эти факторы негативным образом отражаются на функционировании механизмов делиберативной демократии, что требует от государств кооперации и взаимного сотрудничества в части противодействия данным неправовым явлениям. Но такие меры должны иметь обоснованный и точечный характер, недопустимы чрезмерные ограничения прав и свобод человека: прав на доступ к информации, свободу слова, политический плюрализм, частную жизнь, независимость средств массовой информации и др.

По нашему мнению, во-первых, необходимо повысить ответственность для лиц, совершающих подобные противоправные деяния. Можно отметить, что в демократических государствах уже на данный момент запрещено распространение ложной инфор-

³⁷ См.: Disinformation and “fake news”: Interim Report. Fifth Report of Session 2017—19. Ordered by the House of Commons to be printed 24 July 2018. House of Commons Digital, Culture, Media and Sport Committee. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmcmds/363/363.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).

³⁸ См.: Дезинформация в соцсетях вытесняет реальные новости. Британский доклад. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44996982> (дата обращения: 07.02.2020).

мации путем клеветы, недобросовестной рекламы, агитационной деятельности на выборах и др. Однако недобросовестные действия в сети Интернет, как правило, посредством создания аккаунтов на имя несуществующих лиц и ведение дискуссии с гражданами не с целью достижения консенсуса и обсуждения реального положения дел, а для продвижения нередко экстремистских интересов требуют жестких ответных действий со стороны государства. Кроме того, необходимо способствовать неотвратимости наступления юридической ответственности для таких лиц, что подразумевает как совершенствование национального государственного контроля, так и международную кооперацию.

Во-вторых, необходимо всячески развивать институциональные рамки для обсуждения актуальных вопросов в сети Интернет (например, путем продвижения и распространения информации официальных страниц в социальных сетях органов публичной власти, средств массовой информации, общественных советов) с привлечением независимых экспертов и специалистов, в том числе популярных интернет-пользователей (блогеров). Можно согласиться с А. В. Кучеренко в том, что «блогосфера является важнейшей составляющей глобальной информационной оболочки. С ее помощью мы получаем информацию, обмениваемся ею, выражаем свою позицию по тому или иному вопросу. Это практически “живой организм”, стремительно реагирующий на происходящие в мире и обществе события, формирующий общественное мнение и сподвигающий на вполне реальные действия не только отдельно взятые личности, но и людские массы»³⁹.

В-третьих, государству необходимо повышать информационно-коммуникационную грамотность граждан, объясняя особенности, преимущества и угрозы, сопутствующие использованию таких передовых технологий. Полагаем, можно рассмотреть вопрос о включении соответствующей дисциплины в школьную программу, поскольку научно-технический прогресс привел к тому, что доступ к сети Интернет и возможность пользования всеми ее возможностями получили несовершеннолетние граждане (остановить или существенным образом замедлить данный процесс в условиях глобализации и информатизации не представляется возможным).

Опыт практического использования инструментов делиберативной демократии в практике зарубежных государств. Стремительно повышающийся уровень развития современных информационно-коммуникационных технологий позволил перейти от построения и обоснования теоретических моделей и инструментов делиберативной демократии к их воплощению в практическую плоскость. Необ-

ходимые нормативные ориентиры для создания действующих механизмов реализации права граждан на участие в управлении делами государства были заложены в Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам — участникам Совета Европы по электронной демократии⁴⁰. Данный документ содержит 12 рекомендаций по развитию данного направления взаимодействия гражданского общества и институтов публичной власти, среди которых, как представляется, наиболее важное и ключевое значение имеют две:

использовать возможности, предоставляемые электронной демократией, для укрепления демократических институтов и демократических процессов; разработать и внедрить в практику механизмы электронной демократии в целях укрепления и развития существующих демократических институтов и демократических процессов с использованием информационно-коммуникационных технологий, которые позволят расширить участие граждан в управлении делами государства.

Сформулированные на международном уровне рекомендации явились отражением достигнутого международным сообществом государств консенсуса относительно изменяющегося облика и содержания демократических процедур под влиянием процессов цифровизации, а также придали необходимый импульс для их практического воплощения на постоянной основе при выстраивании каналов обратной связи между гражданами и органами публичной власти. Примечательно, что данный процесс затронул не только национальный уровень. Отдельные процедуры и механизмы делиберативной демократии стали использоваться на наднациональном уровне в рамках интегративных объединений государств. Речь идет о практике применения обозначенных инструментов на уровне Европейского Союза. В концептуальном плане использование современных технологий для совершенствования демократических процедур было впервые зафиксировано в документе под названием «Белая книга по государственному управлению на европейском уровне»⁴¹. В нем, в частности, указывалось, что демократические институты и лица, призванные представлять интересы граждан как на национальном, так и на европейском уровнях, могут и должны пытаться обеспечить единство Европы. Это является стартовым условием для проведения более эффективной политики, отвечающей актуальным интересам Европейского сообщества. «Белая книга» ставит задачу инициировать процесс разработ-

⁴⁰ URL: https://www.coe.int/t/dgap/democracy/activities/key-texts/recommendations/Recommendation_CM_Rec2009_1_en_PDF.pdf (дата обращения: 30.01.2020).

⁴¹ Commission of the European Communities 2001. European Governance. A White Paper. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_DOC-01-10_en.htm (дата обращения: 30.01.2020).

³⁹ Кучеренко А. В. О правовом статусе блогера // Информационное право. 2015. № 1. С. 28.

ки политики, призванной обеспечить привлечение большего количества граждан и институтов гражданского общества. Она способствует большей открытости, подотчетности и ответственности всех вовлеченных в данный процесс субъектов.

Закрепление институциональных основ участия граждан и институтов гражданского общества в принятии управленческих решений последовало с принятием Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества 13 декабря 2007 г. В нем, среди прочего, была зафиксирована европейская гражданская инициатива в качестве общеевропейского инструмента, обеспечивающего демократию участия, который призван стимулировать проведение широких общественных дебатов по общеевропейским вопросам и вовлекать европейских граждан и организованное гражданское общество в процесс выработки политических решений на уровне ЕС. Являясь ключевым элементом в механизме демократии участия, она дополняет систему непосредственных и представительных демократических институтов ЕС.

Внедрение указанного демократического механизма позволило ряду авторов констатировать, что «новый правовой инструмент позволяет обеспечить наибольшую политическую вовлеченность граждан в процесс принятия решений в Европейском Союзе»⁴². Это положение носит инновационный характер, поскольку обеспечивает наднациональное участие граждан в решении актуальных вопросов развития общества, основанное на мобилизации граждан в европейском масштабе; оно имеет реальный потенциал изменить существующие отношения между европейским гражданским обществом и институтами ЕС, сделав их более открытыми и готовыми к сотрудничеству и взаимодействию. Отчасти европейская гражданская инициатива отражает сформулированную Ю. Хабермасом в ряде работ необходимость к развертыванию на всем пространстве ЕС единой публичной сферы, которая невозможна без создания инфраструктуры, позволяющей гражданам выражать свое мнение по тем или иным важным вопросам общего развития⁴³.

В практическом плане наибольшую известность получила реализация таких инициатив, как “Stop Vivisection”, “Stop TTIP” и “Right2Water”. В то же время в юридической литературе⁴⁴ отмечается

определенная ограниченность потенциала данного демократического инструмента. Необходимым условием для его успешной реализации является предметная направленность на решение вопросов, затрагивающих интересы всех без исключения граждан, проживающих на территории ЕС. Прежде всего, это вопросы экологии и общественного здоровья. Таким образом, во многом сохраняется востребованность инструментов делиберативной демократии для решения вопросов регионального и местного значения.

В дополнение к европейской гражданской инициативе Лиссабонский договор предусматривает такие демократические процедуры, как право на подачу петиций для каждого гражданина, зафиксированное обязательство политических институтов ЕС обеспечивать горизонтальный и вертикальный гражданский диалог, а также проведение консультаций по наиболее важным вопросам общественной жизни.

Заметным инструментом делиберативной демократии, получившим широкое распространение сначала в Бразилии и Латинской Америке, а затем и по всему миру, стал механизм так называемого партисипаторного бюджетирования. В общем виде он представляет собой вовлечение граждан в процесс определения приоритетных направлений расходования местных бюджетов, а также участие в софинансировании части таких расходов.

В настоящее время выделяются шесть основных моделей реализации партисипаторного бюджетирования⁴⁵. Не все из них предусматривают обязательно властный характер решений, принимаемых гражданами; некоторые носят лишь консультативный характер или могут порождать другие последствия, например способствовать модернизации государственного управления или преодолению разрыва между органами публичной власти и местными сообществами. В Германии, например, этапы составления бюджета в основном включают предоставление общей информации, обсуждение идей, корректировку и уточнение выбранных предложений, а также проведение голосования по ним⁴⁶.

Опыт практической реализации элементов партисипаторного бюджетирования позволил выявить ряд положительных эффектов для системы государственного и муниципального управления. В их числе: повышение прозрачности органов публичной власти, улучшение качества предоставления публичных

⁴² Petrescu O.-M. The European citizens' initiative: a useful instrument for society and for citizens // Revista Chilena de Derecho. Vol. 41. No. 3. 2014. P. 1008.

⁴³ См.: Habermas J. Why Europe needs a constitution // New Left Review. 2001. P. 16—17.

⁴⁴ См., например: Zanaz S. The Role of the European Citizens' Initiative in the Development of a European Public Sphere: Towards the Europeanization of Public Debates? URL: https://www.academia.edu/40595699/The_Role_of_the_European_Citizens_Initiative_in_the_Development_of_a_European_Public_Sphere

[Towards_the_Europeanization_of_Public_Debates?email_work_card=view-paper](https://www.academia.edu/40595699/Towards_the_Europeanization_of_Public_Debates?email_work_card=view-paper) (дата обращения: 30.01.2020).

⁴⁵ См.: Sintomer Y., Carsten Herzberg C., Röcke A. Participatory budgeting in Europe: Potentials and challenges // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. No. 32 (1). P. 164—178.

⁴⁶ См.: Schneider S. Bürgerhaushalte in Deutschland: Individuelle und kontextuelle Einflussfaktoren der Beteiligung. Wiesbaden, 2018.

услуг, ускорение принятия административных решений, улучшение взаимодействия между различными структурами государственного аппарата, а также установление каналов обратной связи с населением⁴⁷. Менее очевидными результатами таких преобразований называются сокращение бюджетных расходов и проведение структурных реформ.

Тенденции развития и трансформации элементов и механизмов делиберативной демократии свидетельствуют, что они начинают проникать в те сферы, которые ранее рассматривались как исключительная прерогатива органов государственной власти, не предполагающая прямого участия населения. В этом отношении знаковым примером стала новая Конституция Исландии, принятая на референдуме в 2012 г., разработка которой курировалась Конституционным Советом из 25 выбранных народом граждан с использованием методов краудсорсинга. Это предоставило возможность любому гражданину участвовать в разработке проекта новой конституции государства. В течение четырех месяцев, пока длился процесс подготовки проекта, Конституционный совет публиковал предварительные результаты рассмотрения проекта в режиме онлайн с целью их публичного рассмотрения в рамках трех различных рабочих групп, состоящих из членов Совета. Любой гражданин имел возможность высказать свое мнение относительно рассматриваемого проекта. Затем Совет рассматривал аргументы «за» и «против» этих предложений и принимал решение о целесообразности включения их в проект для прохождения следующего раунда обсуждения (всего 12 раундов). Во время последнего раунда Совет рассматривал проект статьи и выносил его на голосование. Использование такого инновационного подхода в процессе создания новой конституции позволило говорить о нем как о «беспрецедентном примере создания предпосылок для вовлечения в конституционный процесс любого гражданина, пожелавшего быть причастным к разработке основного закона государства»⁴⁸.

Применение концепции делиберативной демократии в России. Как было отмечено, концепция делиберативной демократии направлена на совершенствование демократических практик и преодоление существующих в данной области проблем⁴⁹. Однако

полагаем, что помимо представительной демократии равное в данном вопросе значение имеет и непосредственная демократия, которая обычно не рассматривается исследователями делиберативной демократии как значимое, самостоятельное правовое и общественно-политическое явление. При этом иногда достаточно лишь внести точечные корректировки в существующие институты прямой демократии, чтобы они в полной мере отвечали требованиям концепции делиберативной демократии и стали более эффективными. Сведение проблематики развития современной демократии лишь к представительной демократии является упущением, поскольку в конституциях правовых государств закрепляется, что граждане (народ) могут осуществлять свою власть как посредством избрания в парламент депутатов, так и напрямую. По этой причине полагаем, что недостатком научных работ по тематике делиберативной демократии является принижение роли, правовой природы и назначения институтов прямой демократии как форм непосредственного выражения народом (по национальном уровне) или населением (на региональном или местном уровнях) своей суверенной воли.

В данной работе в контексте анализа российского опыта делиберативных практик уделяется внимание как представительной, так и прямой демократии для формирования общего понимания сложившейся демократической модели.

Ключевой проблемой представительной демократии многих государств, в том числе России, является отдаление депутатов от своих избирателей после выборов, отсутствие эффективных механизмов обратной связи парламентариев и граждан (на всех уровнях публичной власти). Е. А. Цишковский в связи с этим указал, что «весьма актуально для нашего времени: до выборов кандидат в депутаты готов представлять народ, а после получения депутатского мандата — политическую номенклатуру»⁵⁰. Статистика наглядно свидетельствует, что отсутствие механизмов делиберации и частая отстраненная от реальных нужд граждан деятельность депутатов Государственной Думы в значительной степени не устраивает граждан России⁵¹, что, в частности, порождает низкую явку избирателей на выборах⁵².

⁴⁷ См.: *Sintomer Y., Carsten Herzberg C., Röcke A.* Der Bürgerhaushalt in Europa — eine realistische Utopie? Wiesbaden, 2010.

⁴⁸ *Хуснутдинов А. И.* К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 10—12.

⁴⁹ См.: *Линде А. Н.* Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. С. 52—58.

⁵⁰ *Цишковский Е. А.* О балансе представительной демократии и профессионализма в федеральном законодательном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 25.

⁵¹ См.: Депутат Госдумы: образ идеальный и реальный. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113991> (дата обращения: 09.02.2020); Могут ли жители муниципальных образований выступать с правотворческой инициативой? URL: <https://www.pnp.ru/news/detail/70400> (дата обращения: 09.02.2020) и др.

⁵² См., например: Выборы без народа. URL: http://gubernia.pskovregion.org/number_757/01.php (дата обраче-

Следует особо подчеркнуть, что фактически институт политических партий остается единственной формой, с помощью которой граждане могут участвовать в управлении делами государства. Например, институт самовыдвижения граждан на выборах по факту стал частью системы партийного представительства. Так, результаты выборов депутатов парламента Российской Федерации в 2016 г. показали, что практически все избранные депутаты-самовыдвиженцы имеют непосредственную связь со своей политической партией (они официально получали финансирование и во многих случаях до выборов являлись членами этой политической партии). Например, политическая партия «Единая Россия» по итогам выборов депутатов Государственной Думы Российской Федерации 2016 г. получила 343 мандата (76,22%): из них 140 — по федеральным спискам и 203 — по одномандатным округам (т. е. за счет формальных самовыдвиженцев).

Таким образом, конкуренция на политическом пространстве в России в значительной степени была ограничена, а мотивация оставшихся политических партий снижена ввиду фактически сформировавшейся политической олигополии с одним явно выраженным лидером в партийной сфере. Вместе с неразвитостью делиберативных механизмов по взаимодействию с институтами гражданского общества и гражданами это привело к нынешней кризисной ситуации в области представительной демократии.

Следует также сказать о законодательных изменениях, отменивших порог явки избирателей на выборах на всех уровнях публичной власти⁵³. Несмотря на то, что данная реформа упростила проведение выборов, она при этом привела к пассивности граждан, понижению легитимности новоизбранных органов публичной власти, понижению доверия граждан к ряду государственных институтов. Посредством явки или неявки на выборы граждане могут выражать своеобразный социальный протест, что является важным каналом обратной связи между гражданами и государством в целом. Если граждане массово игнорируют выборы, полагая, что кандидаты не являются их представителями, то такие выборы на данный момент хотя формально и считаются состоявшимися и легальными, но их реальная легитимность находится на очень низком уровне.

Неудивительно, что в данной ситуации у избирателей с каждым годом все более увеличиваются абсентеистские настроения, рекордными темпами пада-

ния: 09.02.2020); Низкая явка на выборах говорит о недоверии людей к власти, заявляют в ЛДПП. URL: <https://www.pnp.ru/news/detail/97239> (дата обращения: 09.02.2020); 83% избирателей не пришли на выборы. URL: <http://www.tv2.tomsk.ru/real/83-izbirateley-ne-prishli-na-vyboru> (дата обращения: 09.02.2020).

⁵³ СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5303; 2007. № 18. Ст. 2118.

ет уровень доверия к государственным институтам, парламенту, политическим партиям. Это напрямую связано с полным или частичным невыполнением политическими партиями и депутатами своих предвыборных программ, посредственной работой парламентариев в избирательном округе, игнорированием актуальных нужд и потребностей избирателей. Так, согласно ежегодному докладу американской компании Edelman за 2019 г. уровень доверия граждан к государственным институтам (government) составляет (оценивается по 100-балльной шкале): в Нидерландах — 54, Италии — 43, Великобритании — 42, Германии — 40, Ирландии — 38, России — 34, Франции — 32, Испании — 26⁵⁴. Отметим, что европейские государства, испытывающие в настоящее время кризис представительной системы, используют исключительно концепцию свободного мандата⁵⁵.

Активное использование механизмов делиберации, напротив, способствовало бы повышению общественного внимания к деятельности политических партий, парламента и в целом к общественно-политической жизни. Однако такие механизмы не должны иметь формальный характер, граждане должны понимать их реальный потенциал и пользу.

Качество принимаемых законов также далеко не во всех случаях юридически безупречно. Об этом, в частности, свидетельствуют данные ежегодных докладов Совета Федерации о состоянии законодательства в Российской Федерации, где отмечается, что до 80% принятых законов направляются на внесение изменений и дополнений в действующее законодательство⁵⁶. Полагаем, что внедрение эффективных и регулярных делиберативных процедур положительным образом способствовало бы процессам разработки и обсуждения отдельных положений законопроектов. С. А. Авакьян справедливо заметил, что «законодатель должен сделать население своим союзником как при принятии акта, так и при его проведении в жизнь»⁵⁷.

Одним из таких механизмов уже на данный момент является общественное обсуждение законопроектов, что предусмотрено Указом Президента РФ от

⁵⁴ Edelman Trust Barometer. Global Report. 2019. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_2.pdf (дата обращения: 04.02.2020).

⁵⁵ См.: Алимов Э. В. Некоторые проблемы конституционно-правового регулирования мандата депутата // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 47—54.

⁵⁶ См.: Проект Концепции правотворческой политики в Российской Федерации / разраб. А. В. Малько, А. П. Мазуренко. М., 2011. С. 11.

⁵⁷ Авакьян С. А. Конституционное реформирование посредством подконституционных актов: проблемы и решения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. № 2. С. 145.

9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». Однако такой прогрессивный консультативный механизм не является обязательным для всех законопроектов, а только в отношении тех, которые затрагивают основные направления государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации и лишь по решению главы государства.

Таким образом, только подход, предусматривающий учет реальных интересов граждан, интенсивную работу депутатов и политических партий с избирателями, проведение различных мероприятий по обсуждению и согласованию решений публично-правового характера, разработку и принятие точечных и необходимых федеральных законов (с учетом общественных обсуждений с привлечением экспертов) поможет изменить сложившуюся ситуацию.

Институты прямой демократии как возможность граждан управлять общественными делами, а также воздействовать (императивно и рекомендательно) на органы публичной власти, являются отличительной чертой демократического государства⁵⁸.

Согласимся с мнением, что демократия «покоится на принципе, согласно которому правительство может считаться законным только тогда, когда его власть и назначение обеспечивается согласием управляемых... Оно вправе осуществлять только такую власть, выполнять только такие функции, на которые народ дает свое согласие. А народ не дает его раз и навсегда, ибо дарование согласия есть непрерывный процесс»⁵⁹.

Вместе с тем использование на практике институтов прямой демократии на местном уровне остается низким, «поэтому требуется... выявление причин недостатков и, как следствие, принятие правовых и иных мер для их устранения с тем, чтобы институты прямой демократии выступали необходимой предпосылкой эффективности деятельности местной власти, а также действенной формой контроля за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления»⁶⁰.

Главным препятствием на пути полноценного развития народовластия в России на всех уровнях власти является наличие двух проблем: а) содержательная ограниченность институтов прямой демократии;

б) сложность реализации институтов прямой демократии.

Содержательная ограниченность представляет собой сознательное законодательное сужение круга вопросов, которые могли бы стать предметом того или иного института прямой демократии. Наиболее ярким примером является институт федерального референдума, который теоретически может решать широкий круг вопросов общественной жизни, а на данный момент не применяется (ни разу не использовался в России с момента его введения). При этом данный институт не может быть применен именно по причине соответствующих законодательных формулировок ограничительного толка. Так, согласно п. 10 ч. 5 ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» не могут выноситься на референдум вопросы «отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти». В данном случае, за исключением консультативного аспекта, отсутствует ясность в том, какого рода вопросы вообще могут быть вынесены на федеральный референдум. Получается, что за счет данной нормы необходимо доказать, что тот или иной вопрос не находится в ведении какого-либо органа государственной власти на основании Конституции РФ или федерального конституционного закона. Очевидно, что уже в тексте Конституции РФ распределены основные полномочия федерального уровня между соответствующими органами, призванными осуществлять государственную власть. Получается, что фактически отмеченная законодательная формулировка не позволяет провести любой референдум императивного характера, поскольку его предмет в любом случае будет пересекаться в значительной степени с тем или иным полномочием федерального органа государственной власти Российской Федерации.

Несмотря на то что согласно Конституции РФ высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы, в России референдум фактически нивелирован, поскольку отсутствует перечень вопросов, которые могут быть его предметом, а сам он ни разу с момента образования демократической России не проводился.

Полагаем, что одна из базовых причин недостаточного применения институтов прямой демократии в России, что отмечается многими исследователями, кроется в их законодательном регулировании⁶¹. По

⁵⁸ См.: Алимов Э. В. Императивный мандат и конституционное государство: диалектика взаимосвязи // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 39—43.

⁵⁹ Хэллоуэлл Д. Моральные основы демократии. М., 1993. С. 54.

⁶⁰ Помазанский А. Е. Роль институтов прямой демократии в обеспечении контроля населения за деятельностью органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 23—24.

⁶¹ См.: Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 4—5; Помазанский А. Е. Роль институтов прямой демократии в обеспечении контроля населения за деятельностью органов местного самоуправления. С. 23—24; Савченко Н. А. Актуальные проблемы российского конституцио-

нашему мнению, вопросы практического характера могут быть исправлены за счет соответствующей правоприменительной практики, но проблемы в законодательном регулировании могут быть преодолены только путем отмены или изменения проблемного нормативного правового акта.

Опыт практической реализации института правотворческой инициативы свидетельствует о его в целом низкой результативности⁶². В связи с этим Ю. А. Тихомиров указывает: «Не стоит обольщаться наличием норм и институтов правотворческого и особенно законодательного процессов, поскольку в обществе до сих пор существует устойчивый стереотип “законы принимают другие лица”, и слабая мотивация участия находит выражение в бездействии, ожидании, пассивности при обсуждении законопроектов»⁶³.

Бюрократизация и формализация норм права, призванных служить общественным интересам, полностью нивелируют провозглашенные демократические постулаты, приводят к правовому нигилизму, политической пассивности населения, протестным настроениям (порой радикального характера) граждан и в целом к росту социальной напряженности в обществе. Для преодоления данных негативных явлений необходимо не только закрепление институтов прямой демократии в законодательных актах, но и внедрение обязательных механизмов делиберации, т. е. согласования мнений, обсуждения идей и предложений, результатом чего должно стать достижение консенсуса. Это требование в равной степени относится и к сфере представительной демократии.

Таким образом, в современной России в сфере публичной политики существуют отдельные элементы делиберативной демократии как различные формы институционального диалога власти и гражданского общества (российская общественная инициатива, краудсорсинг, публичные слушания, муниципальный и общественный контроль, общественные экспертизы, обращения граждан, общественные палаты и общественные советы, открытое правительство и т. д.). Однако с точки зрения их законодательного регулирования, эффективности, регулярности и вовлеченности органов публичной власти, можно сделать вывод, что делиберативные практики нуждаются в развитии, повышении их значимости в решении значимых общественных вопросов. Делиберацию, т. е. переговоры людей с целью нахождения компромиссов, заключения соглашений и договоров, мож-

но рассматривать в качестве инструмента для разрешения даже самых острых социально-политических конфликтов⁶⁴.

Заключение

1. В современной науке (политологии, философии, социологии, психологии, юриспруденции) проблематика демократии активным образом анализируется через призму концепции делиберативной демократии. Исследователи стремятся на теоретическом уровне восполнить недостатки, прежде всего, представительной демократии. Вместе с тем полагаем, что проблематика правового регулирования и реализации институтов непосредственной демократии также имеет большое значение для современной демократии.

2. Посредством проведенного исследования концепции делиберативной демократии и на основании достигнутых в науке результатов можно сделать вывод, что под делиберативной демократией в целом следует понимать модель демократического правового государства, где посредством свободного волеизъявления граждан и функционирования институтов гражданского общества происходит рассмотрение спорных вопросов и принятие значимых общественно-политических решений посредством использования механизмов диалога, дискуссии, дебатов на принципах рациональности, аргументированности, убеждения, результатом чего является достижение консенсуса.

3. Теория делиберативной демократии продолжает развиваться до настоящего времени. Более широкое распространение делиберативных практик и институтов на разных уровнях и сферах общественной жизни в сочетании с нарастающим многообразием подходов и методов исследования нуждаются в создании более унифицированных аналитических фреймов, позволяющих идентифицировать механизмы, которые обеспечивают развитие делиберации, с одной стороны, а с другой — в более детальной проработке ее основных характеристик, стандартов и условий делиберативного процесса⁶⁵.

4. Делиберативная демократия относится к направлению в теории демократии, ключевой характеристикой которой является расширение возможностей институтов гражданского общества для оказания влияния на законодательные (представительные) и исполнительные органы публичной власти в рамках закрепленной нормативной модели посредством процедур обсуждения, при том условии, что дискуссия является информированной, сбалансированной, сознательной, независимой и всесторонней⁶⁶.

ализма // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 12—15 и др.

⁶² См.: Помазанский А. Е. Реализация правотворческой инициативы на местном уровне // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 37—46.

⁶³ Тихомиров Ю. А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 10.

⁶⁴ См.: Зайцев А. В. Указ. соч. С. 42.

⁶⁵ См.: Thompson D. Deliberative Democratic Theory and Empirical Political Science // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 500.

⁶⁶ См.: Fishkin J., Luskin R. Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion // Acta Politica. Stanford, 2005. P. 285.

5. Информационно-коммуникационные технологии модернизировали процесс реализации демократических институтов, повысив открытость информации для общества. Это привело к тому, что граждане не только оперативно узнают об обсуждении или принятии какого-либо решения, но и могут свободно и в доступной форме высказать свое мнение в сети Интернет. Это, в свою очередь, накладывает на органы публичной власти, должностных лиц, политические партии, депутатов, средства массовой информации соответствующие обязательства по обеспечению гласности, правдивости предоставляемой общественности информации, а также по оказанию содействия в пресечении распространения недобросовестной информации, манипулировании общественным мнением.

6. Полагаем, что недостатком научных работ по тематике делиберативной демократии является принижение роли, правовой природы и назначения институтов прямой демократии как форм непосредственного выражения народом (по национальном уровне) или населением (на региональном или местном уровнях) своей суверенной воли. Использование в рамках делиберативной демократии преимущественно процедур, связанных с представительной демократией, представляется недостаточным, поскольку не всегда может отразить весь спектр реальных общественных отношений на различных территориях, уровнях власти. Так, результаты электоральной активности в Европе показывают, что граждане все меньше верят в представительную демократию⁶⁷. Институты непосредственного народовластия могут быть органич-

но усовершенствованы делиберативными практиками, их реализация зависит от граждан и закреплённой нормативной модели. Поэтому считаем, что дальнейшее развитие концепции делиберативной демократии должно строиться через призму представительной демократии и непосредственной демократии.

7. В России наблюдаются противоречивые тенденции в части развития демократических процедур. С одной стороны, помимо традиционных институтов демократии (выборы, референдум, отчеты и др.) в социальную практику постоянно внедряются новые институты — общественные обсуждения, российская общественная инициатива, самообложение граждан и др. При этом с учетом возможностей информатизации получают новое наполнение традиционные механизмы. С другой стороны, ключевыми проблемами остаются невысокая эффективность, неразвитость механизмов делиберации, сложность реализации как новых, так и традиционных институтов демократии (референдум, отзыв). Помимо этого, согласно статистике в российском обществе сильны абсентеистские настроения, высок уровень недоверия к органам публичной власти и проводимой ими политике.

8. Несмотря на практически полувековой опыт научных и эмпирических исследований делиберативной демократии, в научной литературе продолжается полемика и сохраняется расхождение мнений в оценке масштабов, перспектив и значения делиберативной демократии, а также ее институциональных характеристик в связи с уже существующими моделями демократии. Поэтому проведение сравнительных исследований теорий демократии, прежде всего междисциплинарного характера, с учетом накопленного теоретико-практического опыта как на национальном, так и на международном уровнях, является крайне востребованным в настоящее время и будет таковым в ближайшее время.

⁶⁷ См.: Опрос: население Франции теряет доверие к политикам и институтам власти. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5987849> (дата обращения: 14.06.2019); Итальянцы доверяют полиции втрое больше, чем политическим партиям. URL: <https://regnum.ru/news/2539986.html> (дата обращения: 14.06.2019); Почему россияне не доверяют парламенту и политическим партиям: выводы академика. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/02/21/pochemu-rossiyane-ne-doverayaut-parlamentu-i-politicheskim-partiyam-vyvody-akademika.html> (дата обращения: 14.06.2019) и др.

Библиографический список

- Benhabib S. *Toward a deliberative model of democratic legitimacy* // *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political* / ed. by S. Benhabib. Princeton, 1996.
- Bennett D. *Factors Influencing the Success of an E-participation Project in South Africa*. A dissertation presented to the Department of Information Systems University of Cape Town. Submitted in partial fulfilment of the requirements for INF5004W. February 2015. URL: https://open.uct.ac.za/bitstream/handle/11427/15465/thesis_com_2015_lrxdin001-thesis.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 07.02.2020).
- Bessette J. M. *Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government* // *How Democratic is the Constitution?* American Enterprise Institute for Public Policy Research. Washington; London, 1980.
- Dryzek J. *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford, 2000.
- Dryzek J. *Political Inclusion and the Dynamics of Democratization* // *The American Political Science Review*. 1996. Vol. 90. No. 3.
- Fishkin J., Luskin R. *Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion* // *Acta Politica*. Stanford, 2005.
- Gutmann A., Thompson D. *Democracy and Disagreement: Why Moral Conflict Cannot Be Avoided in Politics, and What Should Be Done about It*. Cambridge, 1996.
- Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy (Faktizitaet und Geltung)* / W. Rehg (trans.). Cambridge, 1996.

- Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere* / T. Burger, F. Lawrence (trans.). Cambridge, 1989.
- Habermas J. *Why Europe needs a constitution* // *New Left Review*. 2001.
- Hacker K. L., Van Dijk Jan A. G. M. *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice*. London, 2000.
- Levy P. *Cyberdémocratie*. Paris, 2002.
- Mansbridge J., Bohman J., Chambers S. et al. *The Place of Self-Interest and the Role of Power in Deliberative Democracy* // *The Journal of Political Philosophy*. 2010. Vol. 18. No. 1.
- Offe C. *Crisis and Innovation of Liberal Democracy: Can Deliberation Be Institutionalized?* // *Czech Sociological Review*. 2011. Vol. 47. No. 3.
- Parkinson J. *Deliberating in the Real World*. Oxford, 2006.
- Petrescu O.-M. *The European citizens' initiative: a useful instrument for society and for citizens* // *Revista Chilena de Derecho*. Vol. 41. No. 3. 2014.
- Rawls J. *Political Liberalism*. New York, 1993.
- Rawls J. *The Idea of Public Reason Revisited* // *The University of Chicago Law Review*. Vol. 64. No. 3. Summer, 1997.
- Schneider S. *Bürgerhaushalte in Deutschland: Individuelle und kontextuelle Einflussfaktoren der Beteiligung*. Wiesbaden, 2018.
- Schultze R. *Deliberative Demokratie* // *Lexikon der Politikwissenschaft, Theorien, Methoden, Begriffe*. Band I: A.—M. München, 2002.
- Sintomer Y., Carsten Herzberg C., Röcke A. *Der Bürgerhaushalt in Europa — eine realistische Utopie?* Wiesbaden, 2010.
- Sintomer Y., Carsten Herzberg C., Röcke A. *Participatory budgeting in Europe: Potentials and challenges* // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2008. No. 32 (1).
- Thompson D. *Deliberative Democratic Theory and Empirical Political Science* // *Annual Review of Political Science*. 2008. Vol. 11.
- Van Dijk Jan A. G. M. *Digital Democracy: Vision and Reality* // *Innovation and the Public Sector*. 2012. Vol. 19.
- Westbrook R. *John Dewey and American Democracy*. Ithaca; London, 1991.
- Zanaz S. *The Role of the European Citizens' Initiative in the Development of a European Public Sphere: Towards the Europeanization of Public Debates?* URL: https://www.academia.edu/40595699/The_Role_of_the_European_Citizens_Initiative_in_the_Development_of_a_European_Public_Sphere_Towards_the_Europeanization_of_Public_Debates?email_work_card=view-paper (дата обращения: 30.01.2020).
- Авакьян С. А. Конституционное реформирование посредством подконституционных актов: проблемы и решения // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2011. № 2.
- Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 9.
- Алимов Э. В. Императивный мандат и конституционное государство: диалектика взаимосвязи // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016. № 3.
- Алимов Э. В. Некоторые проблемы конституционно-правового регулирования мандата депутата // *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 4.
- Белоусова В. М. Делиберативная концепция Ю. Хабермаса в контексте систематизации современных моделей демократии // *Вестник Удмуртского университета. Экономика и право*. 2015. Т. 25. Вып. 4.
- Бессет Дж. М. Делиберативная демократия и американская система государственной власти / пер. с англ. Ю. Шпакова. М., 2011.
- Волкова Т. П. Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается // *Вестник Мурманского государственного технического университета*. 2004. Т. 7. № 2.
- Зайцев А. В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // *Социодинамика*. 2013. № 5.
- Золотарева Е. В. Концептуальные основы делиберативной демократии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2013. № 1.
- Итальянцы доверяют полиции втрое больше, чем политическим партиям. URL: <https://regnum.ru/news/2539986.html> (дата обращения: 14.06.2019).
- Кучеренко А. В. О правовом статусе блогера // *Информационное право*. 2015. № 1.
- Линде А. Н. Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2015. Т. 8.
- Линде А. Н. Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса в контексте современной теории политической коммуникации: теоретико-методологический анализ: автореф. ... канд. полит. наук. М., 2017.
- Назарчук А. В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // *Полис*. 2011. № 5.
- Опрос: население Франции теряет доверие к политикам и институтам власти. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raznogolosa/5987849> (дата обращения: 14.06.2019).
- Пилюпинко А. Н. Франция: к цифровой демократии // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 4.
- Помазанский А. Е. Реализация правотворческой инициативы на местном уровне // *Журнал российского права*. 2018. № 8.
- Помазанский А. Е. Роль институтов прямой демократии в обеспечении контроля населения за деятельностью органов местного самоуправления // *Журнал российского права*. 2013. № 8.

Почему россияне не доверяют парламенту и политическим партиям: выводы академика. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/02/21/pochemu-rossiyane-ne-doverayut-parlamentu-i-politicheskim-partiyam-vyvody-akademika.html> (дата обращения: 14.06.2019)

Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск, 1995.

Савченко Н. А. Актуальные проблемы российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.

Тихомиров Ю. А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2011. № 2.

Углов Д. В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 2.

Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. XI / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М., 2012

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. 2-е изд. СПб., 2008.

Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.

Хуснутдинов А. И. К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4.

Хэллоуэлл Д. Моральные основы демократии. М., 1993.

Цишковский Е. А. О балансе представительной демократии и профессионализма в федеральном законодательном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25).

Червонный В. П., Милошунас А. В. Идеология коммунитаризма: путь к новой социальности // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. № 3 (15).

Deliberative Democracy: New Challenges and Opportunities in the Conditions of Developing Information Society

E. V. Alimov, A. E. Pomazanskiy

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: const3@izak.ru; const@izak.ru

DOI: 10.12737/jflcl.2020.031

The article is devoted to the study of the concept of deliberative democracy, taking into account new challenges and the development of the information society. The authors conduct an interdisciplinary analysis of scientific works on law, political science, philosophy on the subject-matter, which allow taking into account various features of this concept of democracy. The importance of scientific research on the mentioned topics is noted, which is confirmed by great attention, both among Russian and foreign researchers.

It is concluded that deliberative democracy is closely connected with traditional types of democracy (direct democracy, representative democracy), but its qualitative difference is a wider approach to the identification of opinions and positions in society, among social and political forces to find consensus. The use of modern information technologies should contribute to a more comfortable and easier use of democratic procedures of various kinds: public discussions, polling of citizens, voting, etc. While the trend of informatization should actively influence the implementation of democratic procedures, we should not forget about the risks and problems that exist in this area. In particular, public authorities together with civil society institutions should jointly provide control over these processes in order to prevent violation of human rights, distortion and deformation of the will of citizens.

Keywords: deliberative democracy, dialogue, public sphere, direct democracy, representative democracy, consensus, informatization.

For citation: Alimov E. V., Pomazanskiy A. E. Deliberative Democracy: New Challenges and Opportunities in the Conditions of Developing Information Society. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 4, pp. 47—66. DOI: 10.12737/jflcl.2020.031 (In Russ.)

References

Alimov E. V. Imperative mandate and constitutional state: the dialectic of the relationship. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2016, no. 3., pp. 39—43. DOI: 10.12737/20574 (In Russ.)

Alimov E. V. Nekotorye problemy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya mandata deputata. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2015, no. 4.

Avak'yan S. A. Konstitutsionnoe reformirovanie posredstvom podkonstitutsionnykh aktov: problemy i resheniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya II. Pravo*, 2011, no. 2.

- Avak'yan S. A. Nuzhna li konstitutsionnaya reforma v Rossii? *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2012, no. 9.
- Belousova V. M. Deliberativnaya kontsepsiya Yu. Khabermasa v kontekste sistematizatsii sovremennykh modeley demokrati. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*, 2015, vol. 25, iss. 4.
- Benhabib S. Toward a deliberative model of democratic legitimacy. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Ed. by S. Benhabib. Princeton, 1996.
- Bennett D. Factors Influencing the Success of an E-participation Project in South Africa. A dissertation presented to the Department of Information Systems University of Cape Town. Submitted in partial fulfilment of the requirements for INF5004W. February 2015. Available at: https://open.uct.ac.za/bitstream/handle/11427/15465/thesis_com_2015_lrxdin001-thesis.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 07.02.2020).
- Besset Dzh. M. Deliberativnaya demokratiya i amerikanskaya sistema gosudarstvennoy vlasti. Moscow, 2011.
- Bessette J. M. Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government. *How Democratic is the Constitution? American Enterprise Institute for Public Policy Research*. Washington; London, 1980.
- Chervonnyy V. P., Miloshunas A. V. Ideologiya kommunitarizma: put' k novoy sotsial'nosti. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2006, no. 3 (15).
- Dryzek J. *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford, 2000.
- Dryzek J. Political Inclusion and the Dynamics of Democratization. *The American Political Science Review*, 1996, vol. 90, no. 3.
- Fishkin J., Luskin R. Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion. *Acta Politica*. Stanford, 2005.
- Gutmann A., Thompson D. *Democracy and Disagreement: Why Moral Conflict Cannot Be Avoided in Politics, and What Should Be Done about It*. Cambridge, 1996.
- Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy (Faktizität und Geltung)*. Cambridge, 1996.
- Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, 1989.
- Habermas J. Why Europe needs a constitution. *New Left Review*, 2001.
- Hacker K. L., Van Dijk Jan A. G. M. *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice*. London, 2000.
- Ital'yantsy doveryayut politicii vtroe bol'she, chem politicheskim partiyam. Available at: <https://regnum.ru/news/2539986.html> (accessed 14.06.2019).
- Khabermas Yu. Akh, Evropa. Nebol'shie politicheskie sochineniya. Moscow, 2012.
- Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. Ed. by D. V. Sklyadnev. 2nd ed. St. Petersburg, 2008.
- Khabrieva T. Y. Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 5—16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1 (In Russ.)
- Khellouell D. *Moral'nye osnovy demokrati*. Moscow, 1993.
- Khusnutdinov A. I. K voprosu o konstitutsionnom zaprete ofitsial'noy ideologii v usloviyakh sovremennogo informatsionnogo obshchestva i elektronnoy demokrati. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2016, no. 4.
- Kucherenko A. V. O pravovom statuse blogera. *Informatsionnoe pravo*, 2015, no. 1.
- Levy P. *Cyberdémocratie*. Paris, 2002.
- Linde A. N. Deliberativnaya demokratiya kak napravlenie v sovremennoy teorii demokrati: analiz osnovnykh podkhodov. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2015, vol. 8.
- Linde A. N. Kontsepsiya deliberativnoy demokrati Yu. Khabermasa v kontekste sovremennoy teorii politicheskoy kommunikatsii: teoretiko-metodologicheskij analiz. Cand. diss. thesis. Moscow, 2017.
- Mansbridge J., Bohman J., Chambers S. et al. The Place of Self-Interest and the Role of Power in Deliberative Democracy. *The Journal of Political Philosophy*, 2010, vol. 18, no. 1.
- Nazarchuk A. V. Ponyatie deliberativnoy politiki v sovremennom politicheskom protsesse. *Polis*, 2011, no. 5.
- Offe C. Crisis and Innovation of Liberal Democracy: Can Deliberation Be Institutionalized? *Czech Sociological Review*, 2011, vol. 47, no. 3.
- Opros: naselenie Frantsii teryaet doverie k politikam i institutam vlasti. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5987849> (accessed 14.06.2019).
- Parkinson J. *Deliberating in the Real World*. Oxford, 2006.
- Petrescu O.-M. The European citizens' initiative: a useful instrument for society and for citizens. *Revista Chilena de Derecho*, 2014, vol. 41, no. 3.
- Pilipenko A. N. Frantsiya: k tsifrovoy demokrati. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, no. 4.
- Pochemu rossiyanе ne doveryayut parlamentu i politicheskim partiyam: vyvody akademika. Available at: <https://www.mk.ru/social/2019/02/21/pochemu-rossiyane-ne-doverayut-parlamentu-i-politicheskim-partiyam-vyvody-akademika.html> (accessed 14.06.2019)
- Pomazanskiy A. E. The Implementation of the Law-Making Initiative on the Local Level. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 8, pp. 37—46. DOI: 10.12737/art_2018_8_4 (In Russ.)
- Pomazanskiy A. E. The Role of Institutions of Direct Democracy in Ensuring Control of Population over Activities of Local Self-Government Authorities. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 8, pp. 13—24. (In Russ.)
- Rawls J. *Political Liberalism*. New York, 1993.
- Rawls J. *Teoriya spravedlivosti*. Novosibirsk, 1995.

- Rawls J. The Idea of Public Reason Revisited. *The University of Chicago Law Review*, vol. 64, no. 3, Summer, 1997.
- Savchenko N. A. Aktual'nye problemy rossiyskogo konstitutsionalizma. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2014, no. 7.
- Schneider S. Bürgerhaushalte in Deutschland: Individuelle und kontextuelle Einflussfaktoren der Beteiligung. Wiesbaden, 2018.
- Schultze R. Deliberative Demokratie. *Lexikon der Politikwissenschaft, Theorien, Methoden, Begriffe*. Band I: A.—M. München, 2002.
- Sintomer Y., Carsten Herzberg C., Röcke A. Der Bürgerhaushalt in Europa — eine realistische Utopie? Wiesbaden, 2010.
- Sintomer Y., Carsten Herzberg C., Röcke A. Participatory budgeting in Europe: Potentials and challenges. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2008, no. 32 (1).
- Thompson D. Deliberative Democratic Theory and Empirical Political Science. *Annual Review of Political Science*, 2008, vol. 11.
- Tikhomirov Yu. A. Conduct in Society and Law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2011, no. 2, pp. 5—11. (In Russ.)
- Tsishkovskiy E. A. O balanse predstavitel'noy demokratrii i professionalizma v federal'nom zakonodatel'nom protsesse. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2013, no. 3 (25).
- Uglov D. V. Tendentsii deliberativnoy politiki v teorii spravedlivosti D. Rolza. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2009, no. 2.
- Van Dijk Jan A. G. M. Digital Democracy: Vision and Reality. *Innovation and the Public Sector*, 2012, vol. 19.
- Volkova T. P. Liberaly i kommunitaristy: diskussiya o sotsial'noy spravedlivosti prodolzhaetsya. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2004, vol. 7, no. 2.
- Westbrook R. John Dewey and American Democracy. Ithaca; London, 1991.
- Zanaz S. The Role of the European Citizens' Initiative in the Development of a European Public Sphere: Towards the Europeanization of Public Debates? Available at: https://www.academia.edu/40595699/The_Role_of_the_European_Citizens_Initiative_in_the_Development_of_a_European_Public_Sphere_Towards_the_Europeanization_of_Public_Debates?email_work_card=view-paper (accessed 30.01.2020).
- Zaytsev A. V. Deliberativnaya demokratiya kak institutsional'nyy dialog vlasti i grazhdanskogo obshchestva. *Sotsiodinamika*, 2013, no. 5.
- Zolotareva E. V. Kontseptual'nye osnovy deliberativnoy demokratrii. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 2013, no. 1.

